

ОСОБЕННОСТИ «НЕВЕРБАЛЬНОГО» СПОСОБА ПОЗНАНИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Аннотация. В статье рассмотрена сущность протоколов следственных действий и судебного заседания в контексте ст. 83 Уголовно-процессуального кодекса РФ. На основании анализа специальной литературы, сопоставления протоколов следственных действий и судебного заседания с другими видами доказательств аргументируется, что основным сущностным критерием появления данных сведений в уголовном деле является «невербальный» способ их формирования, обусловленный проведением соответствующих «невербальных» следственных или судебных действий. С учетом многообразия толкований невербальности в контексте процессуального познания, использование данной терминологии в статье является несколько условным и не может претендовать на абсолютную непогрешимость, поэтому термин «невербальный», употребляемый в настоящем исследовании, специально берется в кавычки. Предлагается протоколы следственных действий и судебного заседания в контексте ст. 83 Уголовно-процессуального кодекса РФ впредь именовать результатами «невербальных» следственных или судебных действий, так как использование «невербального» способа процессуального познания присуще следственному осмотру, освидетельствованию, обыску, выемке, следственному эксперименту и некоторым другим следственным и судебным действиям.

Ключевые слова. Доказательство; доказывание; протоколы следственных действий и судебного заседания; невербальные следственные и судебные действия; результаты невербальных следственных и судебных действий.

Информация о статье. Дата поступления 14 ноября 2014 г.; дата принятия к печати 24 ноября 2014 г.; дата онлайн-размещения 26 января 2015 г.

S. B. Rossinskiy

Kutafin Moscow State Law University,

Moscow, Russian Federation

PECULIARITIES OF «NON-VERBAL» WAY OF PERCEPTION IN CRIMINAL CASE PROVING

Abstract. The article considers the essence of protocols of investigative activities and court sessions in the context of Article 83 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on the analysis of special literature, comparison of protocols of investigative activities and court sessions with other types of evidence, it is argued that essential basic criterion of obtaining the given findings in the criminal case is the «non-verbal» way of their formation provided by conducting relevant «non-verbal» investigating judicial actions. Considering the variety of interpretations of non-verbality in the context of procedural perception, the use of this terminology in the article is somewhat arbitrary and cannot claim to be absolutely infallible, so the term «non-verbal» used in this study is deliberately

* Материалы статьи обсуждены на международной научно-практической конференции «Международное сотрудничество, интеграция и современная геополитика», г. Иркутск, ФГБОУ ВПО «БГУЭП», 11–12 сентября 2014 г.

quoted. The protocols of investigative activities and court sessions in the context of Art. 83 of the Criminal and Procedural Code of the Russian Federation are proposed henceforth to be called the results of «nonverbal» investigative or judicial actions, as the use of «non-verbal» way of procedural perception is inherent to investigative search, examination, search, seizure, investigative experiment, and other investigative and juridical actions.

Keywords. Evidence; proving; protocols of investigative actions and court sessions; non-verbal investigative and judicial actions; results of non-verbal investigative and judicial actions.

Article info. Received November 14, 2014; accepted November 24, 2014; available online January 26, 2015.

Уголовно-процессуальное законодательство РФ в качестве одного из видов доказательств предусматривает протоколы следственных действий и судебного заседания¹ (п. 5 ч. 2 ст. 74, 83 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ). Как отмечается в многочисленных литературных источниках, эти доказательства сопряжены с непосредственным восприятием дознавателем, следователем или судом сведений, имеющих значения для уголовного дела [3, с. 159; 6, с. 324; 9, с. 161; 18, с. 120]. В протоколах фиксируются сведения о ходе и, самое главное, результатах проведенных дознавателем, следователем или в судебном заседании следственных или судебных действий.

С подобной позицией трудно не согласиться. Однако в ней все же есть одно достаточно уязвимое место. Дело в том, что другие виды доказательств также формируются в результате проведения следственных или иных процессуальных действий. В частности, на это прямо указывает ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Например, показания представляют собой результаты таких следственных действий, как допрос или очная ставка. Экспертное заключение формируется в результате проведения судебной экспертизы. Даже вещественные доказательства или «иные»² документы зачастую появляются в уголовном деле именно в результате следственного осмотра, обыска или выемки.

Большинство авторов, ранее касавшихся в своих работах данной проблематики, приводили перечень следственных действий, обуславливающий появление протоколов следственных действий и судебного заседания, основываясь на положениях ст. 87 УПК РСФСР. В него включали осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, предъявление для опознания, следственный эксперимент, а также задержание подозреваемого [4, с. 216; 5, с. 602; 14, с. 675]. Таким образом, можно было утверждать, что в данном случае речь шла именно о сведениях, полученных в ходе производства названных следственных или судебных действий.

Однако с учетом того, что ныне действующий УПК РФ более такого перечня не содержит, немногочисленные современные ученые, работающие в этом направлении, почему-то заняли более осторожную позицию и стали склонять-

¹ Здесь, как и ранее, обращаем внимание на некоторую законодательную неточность, допущенную при формулировании взаимосвязанных положений п. 5 ч. 2 ст. 74 и 83 УПК РФ в части судебных действий. Так, в первом случае закон говорит о протоколах судебных действий, а во втором — о едином протоколе судебного заседания. Представляется очевидным, что правильна именно вторая формулировка, содержащаяся в ст. 83 УПК РФ, поскольку все действия, происходящие в судебном заседании (за исключением, пожалуй, лишь судебной экспертизы) находят свое отражение в едином процессуальном документе — протоколе судебного заседания. В этой связи будем придерживаться именно формулировки «протоколы следственных действий и судебного заседания», а причины, побудившие к появлению отмеченной законодательной неточности, и возможные варианты ее преодоления будут рассмотрены нами в дальнейшем.

² Здесь и далее применительно к доказательствам, предусмотренным ст. 84 УПК РФ, термин «иные» будет браться в кавычки — подчеркнем, что он является именно названием вида доказательства, а не используется в значении «другие».

сы от прямого формулирования такого перечня [9, с. 161]. В ряде современных источников, в том числе в некоторых учебниках по уголовному процессу, вопрос об этом перечне не поднимается и вовсе [15, с. 245–246]. Некоторые авторы в своих трудах, в частности в учебной литературе, говоря о перечне следственных и судебных действий в контексте ст. 83 УПК РФ, пытаются сохранить преемственность по отношению к уже упомянутой ст. 87 УПК РСФСР и перечисляют их, как это было сделано там [16, с. 136–137; 17, с. 345]. Такая позиция представляется несостоятельной и даже ошибочной. Ведь предусмотренная новым уголовно-процессуальным законом система следственных и судебных действий существенно отличается от существовавшей ранее. В УПК РФ появились принципиально новые способы собирания и проверки доказательств, такие как проверка показаний на месте (ст. 194), контроль и запись переговоров (ст. 186), получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами (ст. 186-1). Кроме того, нынешний процессуальный закон, наконец, императивно прекратил многолетнюю научную дискуссию о природе задержания подозреваемого, совершенно справедливо отнеся его не к следственным действиям, а к мерам принуждения.

Более того, определение сущности рассматриваемого вида доказательств через их перечень имеет и еще один существенный недостаток, который, к сожалению, не учитывался и ранее, во времена действия УПК РСФСР. Он заключается в том, что некоторые следственные действия, на наш взгляд, имеют двойственную познавательную природу и способны обуславливать формирование не одного, а двух различных видов доказательств. Наглядным примером такого следственного действия может служить предъявление для опознания, результаты которого специалисты традиционно относили и продолжают относить к сфере действия ст. 83 УПК РФ (ст. 87 УПК РСФСР). Однако по своей сути предъявление для опознания наряду с этим одновременно направлено и на получение специфических показаний, заключающихся в пояснении опознающим лицом обстоятельств, при которых он наблюдал опознаваемый объект, и признаков, по которым было проведено опознание. Кстати, этот факт прямо подтверждает обязанность следователя (дознателя) или председательствующего в судебном заседании перед опознанием предупредить опознающего свидетеля или потерпевшего об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний.

Итак, в настоящее время назрела необходимость определения какого-то единого критерия, позволяющего правильно уяснить сущность доказательств, подпадающих под действие ст. 83 УПК РФ, и отграничить от других средств установления истины (показаний, экспертных заключений, вещественных доказательств и т. д.).

Отдельные попытки формулирования таких критериев уже известны науке уголовного процесса [6, с. 325; 14, с. 674]. Однако, по нашему мнению, они могут претендовать лишь на роль частных вариантов решения данной проблемы, но никак не на роль единого критерия [12, с. 90]. Позволим себе предположить, что на самом деле истоки подобного критерия необходимо искать в особенностях способа уголовно-процессуального познания, используемого при формировании протоколов следственных действий и судебного заседания. Причем под способ познания в данном контексте мы понимаем систему гносеологических и психофизиологических закономерностей восприятия дознавателем, следователем, судьей, а также присяжными заседателями обстоятельств объективной реальности и формирования на этой основе соответствующего доказательственного гнозиса, т. е. мысленных образов, отражающих обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу.

В этой связи нами было проведено небольшое исследование, направленное на познание таких закономерностей [11, с. 354–365], результаты которого позволили выявить и обосновать два основных способа уголовно-процессуального познания — вербальный и невербальный. Последний способ несомненно связан со зрительным (иногда иным) восприятием материальных элементов объективной реальности.

Так, взаимодействуя с материальным объектом, сенсорная система познающего чувствует и воспринимает его реальный образ. В психологии по этому поводу даже существует специальный термин — «наглядно-образное мышление» [2, с. 32]. При этом познавательная деятельность, связанная с восприятием идеальных объектов, осуществляется посредством принципиально иных механизмов.

Схема уголовно-процессуального познания, сопряженного с восприятием материальных объектов познания нам представляется следующим образом. Дознаватель, следователь или судья зрительно (в исключительных случаях посредством иных органов чувств) воспринимают определенные фрагменты объективной действительности, элементы вещной обстановки, сведения о которых, поступая в кору головного мозга, образуют соответствующий образный перцепт¹. Далее на основании этого перцепта в их сознании формируются мысленные образы воспринятых материальных объектов познания. Затем субъект познания посредством своего рационального мышления создает словесное (вербальное) описание сформированного мысленного образа, которое заносится в соответствующий протокол следственного действия или судебного заседания. Следовательно, в протоколе в отличие от вербальных способов познания отражается уже не перцепт, а вербальная форма выражения мысленных образов, созданных в сознании дознавателя, следователя или судьи (рис.).

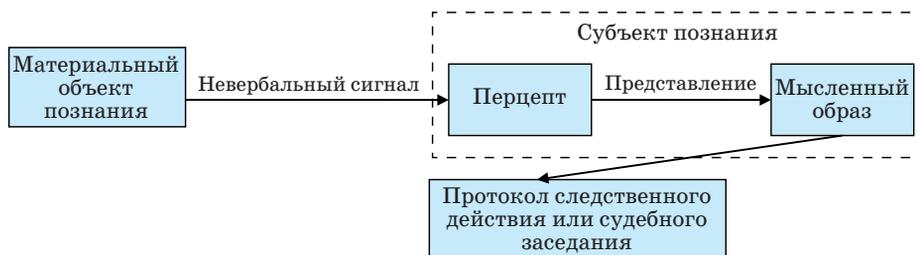

Схема уголовно-процессуального познания

Таким образом, подобный способ познания характеризуется одним существенным признаком. При формировании мысленных образов, используемых для установления обстоятельств уголовного дела, не задействованы вербальные функции передачи и восприятия информационных сигналов. Поступающие сведения преимущественно имеют наглядно-образное содержание, а в редких случаях выражены в виде иных образов (акустических, тактильных, запаховых и др.). Иными словами, в его основе лежат невербальные сигналы.

Именно поэтому предлагаем называть такой способ уголовно-процессуального познания невербальным, понимая под ним механизмы формирования мысленных образов, основанных на чувственном (наглядно образном) перцепте. Однако в этой связи следует обратить внимание на то, что в уголов-

¹ Перцепт — то, что воспринято. Перцепт не следует путать с каким-либо физическим объектом или энергией, которая воздействует на рецептор. В конечном счете перцепт — феноменологическое или чувственное понятие; это результат процесса восприятия (см. напр.: URL : http://mirslouvrei.com/content_psy/percept-27454.html#ixzz2aRt2blRy).

но-процессуальной и криминалистической литературе такой термин используется уже достаточно активно. Причем различные ученые вкладывают в него совершенно разный смысл. Кстати вполне очевидно, что такая научная неопределенность отчасти вызвана неоднозначным толкованием термина «вербальный», о чем мы уже писали. Например, Н. С. Полевой, придавая термину «вербальный» сугубо узкий смысл и понимая под ним лишь словестный способ передачи данных, фактически относил к невербальной информации перфозапись, буквенно-знаковую, цифровую, графическую, иконическую, магнитную и иную запись [10, с. 46–47], а С. А. Шейфер различает вербальную информацию и информацию, выраженную в физических признаках материальных объектов [19, с. 15, 107].

Среди криминалистов и специалистов в области юридической психологии получила распространение позиция, в соответствии с которой невербальными следует признавать лишь неречевые средства получения информации, используемые во время допросов и других следственных действий, сопряженных с получением показаний (восприятие мимики, жестов и тому подобных фрагментов поведения допрашиваемого лица). В частности, В. Л. Васильев, выделяя неречевые (невербальные) средства коммуникации, отмечает, что они способны выполнять как вспомогательную функцию по отношению к вербальным средствам (повышая тем самым семантическую значимость речевого сообщения), так и самостоятельно передавать содержательную информацию (выступая в этом случае в роли знака) [1, с. 358]. В свою очередь, С. А. Насонов, В. А. Образцов и Т. Ю. Рзаев пишут о допросе как о следственном действии, представляющем собой процесс обмена в ходе коммуникации с допрашиваемым лицом не только вербальной, но и невербальной информацией [7, с. 327]. Эту же позицию В. А. Образцов высказывает и совместно с А. А. Протасевичем [8, с. 21]. Однако В. В. Семенов под невербальной информацией понимает сведения личностного характера о социальных, психологических, физиологических и иных свойствах и состояниях лиц, вовлеченных в процесс раскрытия и расследования преступления, получаемые посредством исследования используемых ими биологически и социально обусловленных неязыковых средств общения [13, с. 27].

Мы же, наоборот, пытаемся вложить в термин «невербальный» наиболее широкий смысл, распространив его на все варианты установления обстоятельств уголовного дела, сопряженные с формированием в сознании дознавателя, следователя, судьи мысленных образов материальных объектов, основанных на чувственном (наглядно образном) перцепте и подразумевающих оперирование зрительными и любыми другими сведениями, не выраженными в вербальной (условно-сигнальной) форме. Вместе с тем очевидно, что с учетом многообразия толкований невербальности в контексте процессуального познания использование данной терминологии в предложенном нами широком значении является несколько условным и не может претендовать на абсолютную непогрешимость. В этой связи термин «невербальный», употребляемый в настоящем исследовании исключительно в нашем понимании, в дальнейшем будет специально браться в кавычки.

Итак, «невербальный» способ познания обстоятельств уголовного дела, безусловно, имеет свои преимущества и недостатки. Его преимуществами, несомненно, являются первичный объективизм фрагментов реальности, элементов вещной обстановки, попадающих в непосредственное поле зрения дознавателя, следователя или суда, а кроме того, наглядно-образный характер перцепта, выступающего основой для формирования соответствующих мысленных образов. К недостаткам «невербального» познания следует отнести

относительную невоспроизводимость полученных доказательств и определенную субъективность результатов соответствующих следственных действий.

Итак, возвращаясь к проблеме единого критерия для определения сущности уголовно-процессуальных доказательств, предусмотренных ст. 83 УПК РФ, позволим высказать предположение, что этим единым критерием является именно «невербальный» способ их формирования.

Действительно, любое подобное доказательство основано на проведении соответствующего «невербального» следственного или судебного действия, т. е. в его основе лежат не методы расспроса (диалога), кои присущи, например, допросу или очной ставке, а другие способы получения доказательственной информации. Так, при осмотре или освидетельствовании — это, в первую очередь, наблюдение, о котором, кстати, писали авторы упомянутой «Теории доказательств в советском уголовном процессе» [14]; при обыске — это наблюдение в совокупности с определенными мануальными элементами (открыванием шкафов, ящиков, хранилищ, обнаружением тайников) и т. д.

Следовательно, в протоколах следственных действий и судебного заседания, предусмотренных ст. 83 УПК РФ, фиксируются сведения о результатах «невербальных» следственных или судебных действий. Поэтому полагаем, что доказательства, предусмотренные ст. 83 УПК РФ в теории следует именовать не протоколами следственных действий и судебного заседания, а результатами «невербальных» следственных и судебных действий¹.

Таким образом, результаты «невербальных» следственных и судебных действий — это имеющие значения для уголовного дела сведения, полученные дознавателем, следователем или судом в ходе следственного осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, следственного эксперимента и других «невербальных» следственных и судебных действий посредством зрительного (иного невербального) восприятия объективной реальности и формирования соответствующих гностических мысленных образов, подлежащих отражению в протоколе следственного действия или судебного заседания в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Список использованной литературы

1. Васильев В. Л. Юридическая психология : учеб. — М. : Юрид. лит., 1991. — 461 с.
2. Визель Т. Г. Основы нейрпсихологии : учеб. для студентов вузов / Т. Г. Визель. — М. : В. Секачев, 2013. — 264 с.
3. Воынская О. В. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие / О. В. Воынская, Д. В. Шаров. — М. : МосУ МВД России : Щит-М, 2009. — 240 с.
4. Кокорев Л. Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л. Д. Кокорев, Н. П. Кузнецов. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 1995. — 272 с.
5. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. — М. : Юрид. лит., 1989. — 640 с.
6. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие / В. А. Лазарева. — М. : Высш. образование, 2009. — 339 с.
7. Насонов С. А. Криминалистическое наблюдение как метод собирания ориентирующей информации по уголовным делам / С. А. Насонов, В. А. Образцов, Т. Ю. Рзаев // Труды Московской государственной юридической академии. — 1997. — № 2. — С. 227–243.
8. Образцов В. А. Криминалистические характеристики следственного действия / В. А. Образцов, А. А. Протасевич // Следственные действия. Криминалистические ре-

¹ В этом случае устраняется и законодательная неточность, допущенная при формулировании взаимосвязанных положений п. 5 ч. 2 ст. 74 и ст. 83 УПК РФ в части судебных действий. Поскольку, как уже отмечалось, отдельных протоколов судебных действий законодатель не предусматривает (все они фиксируются общим, единым протоколом судебного заседания), а вот результат у каждого судебного действия именно свой, индивидуальный.

комендации. Типовые образцы документов / под ред. В. А. Образцова. — М. : Юристъ, 1999. — С. 17–35.

9. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. — М. : Юристъ, 2009. — 175 с.

10. Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика : учеб. пособие / Н. С. Полевой. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — 208 с.

11. Россинский С. Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе / С. Б. Россинский // Российский криминологический взгляд. — 2013. — № 3. — С. 354–365.

12. Россинский С. Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу / С. Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2013. — № 9. — С. 85–92.

13. Семенов В. В. Процессуальные и криминалистические проблемы использования невербальной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. В. Семенов. — Саратов, 2003. — 240 с.

14. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Юрид. лит., 1973. — 736 с.

15. Уголовный процесс : учеб. для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К. Ф. Гуценко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Зерцало, 2005. — 736 с.

16. Уголовный процесс : учеб. / под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2003. — 510 с.

17. Уголовный процесс : учеб. / под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. — М. : Волтерс Клувер, 2011. — 1056 с.

18. Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России : учеб. пособие / Л. Т. Ульянова. — М. : Городец, 2008. — 176 с.

19. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С. А. Шейфер. — М. : Юрлитинформ, 2001. — 208 с.

References

1. Vasil'ev V. L. *Yuridicheskaya psikhologiya* [Juridical Psychology]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. 461 p.

2. Vazel' T. G. *Osnovy neiropsikhologii* [Fundamentals of Neuropsychology]. Moscow, V. Sekachev Publ., 2013. 264 p.

3. Volynskaya O. V., Sharov D. V. *Dokazatel'stva i dokazyvanie v ugovnom sudoproizvodstve* [Evidences and proving in criminal procedure]. Moscow, MosU MVD Rossii Publ., Shchit-M Publ., 2009. 240 p.

4. Kokorev L. D., Kuznetsov N. P. *Ugolovnyi protsess: dokazatel'stva i dokazyvanie* [Criminal procedure: evidences and proving]. Voronezh, VGU Publ., 1995. 272 p.

5. Boikov A. D., Karpets I. I. (ed.). *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa. Obshchaya chast'* [A Course of Soviet Criminal Procedure. General Part]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1989. 640 p.

6. Lazareva V. A. *Dokazyvanie v ugovnom protsesse* [Proving in criminal procedure]. Moscow, Vyshee obrazovanie Publ., 2009. 339 p.

7. Nasonov S. A., Obratsov V. A., Rzaev T. Yu. Criminalistic supervision as a method of collecting orienting information in criminal proceedings. *Trudy Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Proceedings of Moscow State Juridical Academy*, 1997, no. 2, pp. 227–243. (In Russian).

8. Obratsov V. A., Protasevich A. A. Criminalistic characteristic of investigative action *Sledstvennye deistviya. Kriminalisticheskie rekomendatsii. Tipovye obraztsy dokumentov* [Investigative actions. Criminalistic recommendations. Standard samples of documents]. Moscow, Yurist Publ., 1999, pp. 17–35. (In Russian).

9. Orlov Yu. K. *Problemy teorii dokazatel'stv v ugovnom protsesse* [Issues of the proof theory in criminal procedure]. Moscow, Yurist Publ., 2009. 175 p.

10. Polevoi N. S. *Kriminalisticheskaya kibernetika* [Criminalistical Cybernetics]. Moscow State University Publ., 1982. 208 p.

11. Rossinskii S. B. On issue of developing the proof theory in criminal procedure. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian Criminological View*, 2013, no. 3, pp. 354–365. (In Russian).

12. Rossinskii S. B. The essence of the Results of Non-verbal Investigative and Judicial Action as Evidence in a Criminal Case. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2013, no. 9, pp. 85–92. (In Russian).

13. Semenov V. V. *Protsessual'nye i kriminalisticheskie problemy ispol'zovaniya neverbal'noi informatsii na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo sudoproizvodstva. Kand. Diss.* [Procedural and criminalist problems of using non-verbal information a pretrial stages of criminal procedure. Cand. Diss.]. Saratov, 2003. 240 p.

14. Zhogin N. V. (ed.). *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse* [Proof theory in Soviet criminal procedure]. 2nd ed. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1973. 736 p.

15. Gutsenko K. F. (ed.). *Ugovnyi protsess* [Criminal Procedure]. 2nd ed. Moscow, Zertsalo Publ., 2005. 736 p.

16. Kolosovich S. A., Zaitseva E. A. (eds). *Ugovnyi protsess* [Criminal Procedure]. 2nd ed. Moscow, IMTs GUK MVD Rossii Publ., 2003. 510 p.

17. Balakshin V. S., Kozubenko Yu. V., Proshlyakov A. D. (eds). *Ugovnyi protsess* [Criminal Procedure]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2011. 1056 p.

18. Ul'yanova L. T. *Predmet dokazyvaniya i dokazatel'stva v ugovnom protsesse Rossii* [The fact in proof and the item in evidence in the criminal procedure of Russia]. Moscow, Gorodets Publ., 2008. 176 p.

19. Sheifer S. A. *Stedstvennye deistviya. Sistema i protsessual'naya forma* [Investigative actions. The system and the procedural form]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2001. 208 p.

Информация об авторе

Россинский Сергей Борисович — кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, e-mail: s.rossinskiy@gmail.com.

Author

Sergey B. Rossinskiy — PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal and Procedural Law, Kutafin Moscow State Law University, 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., 123995, Moscow, Russian Federation; e-mail: s.rossinskiy@gmail.com.

Библиографическое описание статьи

Россинский С. Б. Особенности «невербального» способа познания в доказывании по уголовному делу / С. Б. Россинский // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2015. — Т. 6, № 1. — URL : <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19973>. — DOI: [10.17150/2072-0904.2015.6\(1\).23](https://doi.org/10.17150/2072-0904.2015.6(1).23).

Reference to article

Rossinskiy S. B. Peculiarities of «non-verbal» way of perception in criminal case proving. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baikalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2015, vol. 6, no. 1. Available at: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19973>. DOI: [10.17150/2072-0904.2015.6\(1\).23](https://doi.org/10.17150/2072-0904.2015.6(1).23). (In Russian).